

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Концептуально-методологические основания второго этапа творчества Ф. И. Буслаева

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматриваются некоторые последствия проникновения идей «позитивной философии» в российскую гуманитарную науку. Подчеркивается, что Ф. И. Буслаев раньше других российских коллег-гуманитариев усвоил исследовательский потенциал позитивизма. Это было связано со спецификой его научной деятельности – использованием в историко-филологических и литературоведческих трудах «строгой методы» немецкого языкознания. Отмечается, что стремление преодолеть отставание гуманитарных наук от естественных заставило Ф. И. Буслаева поставить дальнейшее развитие гуманитаристики в зависимость от достижений в области точных экспериментальных наук. Ф. И. Буслаев предсказывал наступление эпистемологии естествознания на комплекс наук о человеке и социуме, что могло бы обновить их содержание и подчинить задачам постижения духовного мира арийских племен в «доисторическую формацию» и эпоху ранних цивилизаций.

Ключевые слова: гуманитарные науки, науки о природе, «глобальная научная революция», естественно-научный стиль мышления, «позитивная философия», эклектичность методологии позитивизма, объективная истина, всемирно-исторические законы развития, общественный прогресс, культурно-исторический дискурс.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Conceptual and Methodological Bases of the Second Period of F. I. Buslaev's Creativity

In the article some consequences of penetration of «positive philosophy» ideas into the Russian humanitarian science are considered. It is emphasized that F. I. Buslaev earlier than other Russian colleague-humanists acquired the research potential of positivism that it was because of specifics of his scientific activity – use of «a strict method» of German linguistics in historical, philological and literary works. It is noted that the aspiration to overcome the lag of the humanities from natural sciences made F. I. Buslaev put further development of humanitaristics into dependence on achievements in the field of exact experimental sciences. F. I. Buslaev predicted the approach of epistemology of natural sciences to the complex of sciences about the person and society that could update their contents and subordinate to the goals of comprehending the spiritual world of Aryan tribes in «prehistoric formation» and the era of early civilizations.

Keywords: the humanities, sciences about the nature, «global scientific revolution», natural-science style of thinking, «positive philosophy», eclecticism of positivism methodology, objective truth, world-wide and historical laws of development, social progress, cultural and historical discourse.

В научном мире второй половины XIX в. были осуществлены поразительные открытия, связанные с постижением как закономерностей, так и феноменальных проявлений существования космоса, природы, общества и человека. Они производились в обстановке единого интеллектуального пространства, поэтому достижения точных и естественно-научных дисциплин становились достоянием специалистов в области обществознания, а гениальные предвидения философов, вместе с идеями идеографических наук, вдохновляли на новые свершения представителей номотетических областей знания.

Отрасли наук, между которыми раньше не обнаруживалось ничего общего, оказались связанными в единую систему, своими достижениями обогащая и развивая друг друга. Так, история и филология стали активно проявлять интерес к экспериментальной психологии, которая приступила к рассмотрению индивидуума и духовной жизни человеческих сообществ: заявки психологов на доступ-

ность средств постижения «духовного характера» целых народов, а также специфики сознания и подсознания больших человеческих групп [10, с. 154, 155; 12, с. 251] не могли оставить равнодушными тех ученых, кто, подобно Ф. И. Буслаеву, был заинтересован в надежных результатах своих опытов проникновения в глубины «национального характера», архетипические основания культуры.

Принцип эволюционизма, обнаруженный В. Гумбольдтом при объяснении языковых явлений, был экстраполирован в область биологических наук и на протяжении многих десятилетий, начиная с 60-х гг. XIX в., определял развитие естествознания, постепенно вторгаясь, между тем, в сферы познания социологии и истории [11, с. 13, 32]. Через социологию в историю, в свою очередь, стали проникать методы точных и естественных наук: статистический, сравнительно-исторический, антропологический [19, с. 381], что подготовило стремительное развитие как дисциплинарной дифферен-

циации этой отрасли знания, так и совершенствование ее гносеологического основания.

Однако все, даже самые великие, достижения в гуманитаристике меркли в сравнении с теми прорывами научной мысли, которыми были отмечены многие отрасли естествознания. Еще в начале 60-х гг. началась экспансия естественных наук во все сферы духовного производства европейской культуры; она разрушала прежнюю «механистическую картину мира», кардинально меняла мировоззренческие установки классического рационализма, ломала стереотипное сознание ученых, укрепляла статус неоспоримого доказательного знания в области общественной жизни.

Радикальные перемены, которые происходили в казавшейся прежде целостной и относительно устойчивой системе оснований естествознания, стали рассматриваться «глобальной научной революцией». В ходе ее осуществления «механистическая картина мира», создание которой приписывалось суверенному, не детерминированному никакими предпосылками разуму ученого, познававшему, как правило, аподиктическим путем сущность объектов природы, стала утрачивать статус общенаучной доктрины. В биологии, химии, физике и других областях отныне дисциплинарно организованного знания стали формироваться свои, специфические, но не противоречившие друг другу картины реальности. Вместе с тем они оказались нередацируемы к прежней, механистической картине мира, воспринимавшей изучавшиеся объекты в качестве малоподвижных простых систем (механических устройств), в которых свойства целого полностью определялись состоянием и свойствами их частей [17, с. 12, 13].

Бросая вызов философской умозрительности, априорными средствами постигавшей недоступное «низшей» науке абсолютное знание, презирая «красивые и туманные дедукции», отмечая раздражавшее беспепелляционными суждениями «чистое умозрение», естествоиспытатели сосредоточили свои усилия на создании нового мировоззрения, основанного на подлинно научном знании, объективность которому гарантировала дистанцированность исследователя от объекта изучения.

В науке о природе, действительно, были открыты незбылемые законы ее существования и развития, которым вскоре придали универсальный характер и распространили на общество и общественные образования. Физиология, опираясь на методы физики и химии, доказала принципиальную близость процессов, происходивших в органической и неорганической природе; клеточная теория подтвердила единство всех живых организмов. Ч. Дарвин, создав стройную теорию эволюции растительного и животного мира, раскрыл причины

многообразия форм природы и их целесообразного устройства. Непосредственное отношение к биологии имел и закон сохранения и превращения энергии, открытие которого стимулировало проникновение материалистической тенденции в естественное-научное мышление.

Важные события происходили и в других «точных» науках: был открыт спектральный анализ, обнаружены электромагнитные волны, создан периодический закон химических элементов.

Все эти открытия и подводившиеся под них теории «замыкали в единое целое живую и неживую природу, прослеживая повсюду действие естественных закономерностей и принцип детерминизма» [18, с. 166–167]. Естествоиспытателям стало казаться, что они вплотную подошли к созданию «унитарного, или монистического, воззрения», которое, отбрасывая все прежние телеологические концепции, уповавшие на волю Творца, с материалистических позиций доказывало единство мира, все элементы которого подчинялись идеям взаимосвязи и развития [18, с. 166–168]. Это новое мировоззрение, возводившее в культ успехи положительного знания, отцентровало в теории познания проблему синтеза знаний и соотношения методов точных и гуманитарных наук; решение фундаментальной задачи, направленной на поиск путей достижения единства науки, было предложено философией позитивизма.

Она давала общее воззрение на совокупность природных явлений и общественных процессов, создавала целостное видение мира, обосновывала основные связи человека с окружающей действительностью, определяла место в ней человека.

Позитивизм всегда стремился вступить в тесные контакты с естествознанием, признавая естественно-научный стиль мышления единственно возможным способом мыслительной деятельности и гарантируя научному прогрессу, происходившему последовательно, однонаправленно, прямолинейно, кумулятивно-эволюционно, роль устроителя человеческой истории и общественного прогресса [18, с. 16, 19].

Позитивизм считается самой влиятельной доктриной XIX в. Если в Европе 30–40-х гг. этого столетия учение основателя «позитивной философии» – математика, естественника, борца с теологией и метафизикой О. Конта воспринималось одним из самых прогрессивных течений общественной мысли [9, с. 21], то в России, где пик популярности позитивизма пришелся на середину 60-х – 80-е гг. [18, с. 12, 123, 143, 309], он стал главным теоретико-методологическим фундаментом для всего корпуса наук, и номотетических, и «описательных».

Русских последователей позитивизма, вне зависимости от того, какую национальную его разновидность они выбирали в качестве образца: французскую (О. Конт, Э. Литтре, И. Тэн) или английскую (Дж. С. Милль, Г.-Т. Бокль, Г. Спенсер), – привлекали не философские рефлексии, а гносеологические постулаты этого учения: апология знания, науки (сциентизм); признание предела возможностей разума, готового лишь к осуществлению феноменалистического, а не сущностного познания мира; отказ от аподиктических суждений в пользу опытного, проверенного, научно доказуемого знания; признание объективных законов развития природы и общества, подчинявшихся принципу развития от простого к сложному; превращение аналитических процедур, исходящих из индуктивной логики, в синоним научного познания [9, с. 22, 23].

В позитивизме утверждалась «натуралистическая парадигма» познания [14, с. 29], в значительной степени обязанная своим происхождением успехам естественных наук. Она обеспечивала гуманитариев оптимистическим стремлением превратить изучение общества в такой же строго научный процесс, в какой превращалось познание мира природы.

Позитивизм расценивался современниками как закономерная реакция на отторжение гегелевской философии и кризис исследовательских традиций трансцендентального идеализма, поэтому теоретико-познавательные императивы немецкой классической философии начали подвергаться обструкции.

Претензии идеалистической философии на абсолютное знание, унижающее онтологическую ценность «низших» наук, стали восприниматься архаизмом; теория тождества, допускавшая возможность воспроизвести картину божественной креации силой логического мышления и, отменяя эмпирию, дать объяснения непостижимым процессам существования Вселенной и человечества, объявлялась «фальшивым» «натурфилософским хламом» [18, с. 152–154]. Плохим тоном становилось даже упоминание великих философских умов на страницах научных трудов.

В борьбе с ненавистным «чистым умозрением» и метафизическими универсальными объяснительными принципами новое поколение ученых было готово уничтожить все связанные с рационалистической традицией умопостигаемые философские построения, не задумываясь о том, что стиль мышления современников и правила построения дискурса еще были просто пропитаны идеями, концепциями, интерпретациями представлений великих мыслителей Германии XVIII – начала XIX в. Создавая новые идеалы научности, последователи позитивизма, нередко плохо осознавая это, допускали

синтез с презируемым философским наследием, а их интенции придать науке универсальный характер, снабдить едиными нормами получения единственно верного, истинного знания культивировали традиции мыслительной техники минувшей эпохи, тем более, что и сами идеологи позитивизма, например Г. Спенсер, допускали соединение новых исследовательских приемов со «старыми» рассуждениями о верховном начале, о присутствии Абсолюта в генезисе и сущностной природе субстанций [18, с. 45, 46].

В сознание ученых второй половины XIX в. прочно вошли гегелевские утверждения о наличии исторических закономерностей, имеющих объективный характер, и о возможностях их познания. Приверженцы позитивизма, ориентированные на образцы естественно-научного познания, отстаивали принципы прогрессивного и эволюционного развития как науки, так и человечества, руководствовались идеями единства в разнообразии и наличия диалектических противоречий в развивающихся системах, забывая, что их источниками были философские учения Ф. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля. Сталкиваясь с загадками, еще недоступными решению специальных наук из-за ограниченности возможностей познания, они прибегали к гипотезам, дедуктивно-номологическим моделям теоретического объяснения, включали добытые в ходе конкретных исследований факты в систему с заранее заданными свойствами, то есть руководствовались, как и философы, не только наблюдением, экспериментом, индуктивным анализом, а верой, интуицией и априорными рассуждениями.

В истории и истории культуры, которые нас интересуют, в первую очередь, по той причине, что в последней трети XIX в. Ф. И. Буслаев предпочитал относить себя именно к этим направлениям гуманитаристики [8, с. 624], стремление к «цельному знанию» об истории своего народа, духовном развитии всего человечества приводило к интеграции противоречивых по отношению к провозглашавшемуся идеалу объективной научности процедур: объяснения и понимания, анализа и интуиции. К роли «унифицирующего принципа» нередко, как и в первой половине XIX в., привлекалась нравственная точка зрения: ценностные ориентации как самого ученого, так и близких ему по умонастроению интеллектуальных слоев общества [15, с. 123, 146, 147].

В том случае, если исследователя интересовала проблема внутреннего мира человека, принадлежавшего к той или иной цивилизации, ему по-прежнему требовалось изучение проявлений духа народа в культуре. Понимая, что концепт «дух» предан анафеме, исследователь переименовывал его в «народную психологию», «национальное сознание», «широко понимаемый народный быт», то

есть актуализировал свой научный лексикон в соответствии с позитивистским мышлением, скрывая за модной декорацией прежний смысл центрального понятия своей концепции.

Капитал наукоучений, страдающих умозрительностью, как и раньше, оставался востребованным в историко-филологических изысканиях, которые, опережая движение опытных наук, вплотную подошли к обнаружению алгоритмов человеческого сознания. Выработанное в философии языкознания представление о неразрывной слитности языка и мышления в единую духовно-интеллектуальную деятельность активно эксплуатировалось и в дальнейшем во всех направлениях изучения человека, признававших лингвистические механизмы, структурировавшие мышление, важнейшим фактором построения предметного поля сознания и культуры.

Другое приобретение немецкой классической философии – органистическая концепция языка, преодолев границы языковедческой теории, прочно обосновалось в позитивистском дискурсе, признававшем общество стройной, взаимосвязанной системой, или организмом. Подобно всем живым и развивающимся системам, этот организм функционирует и эволюционирует, подчиняясь созданным в биологии законам [16, с. 25, 31].

Языковая природа мыслительных процессов и литературного творчества создавала благоприятную среду для совмещения практически всех известных в то время направлений развития гуманитарного знания (лингвистического, литературоведческого, фольклористического, исторического, этнографического, психологического), и хотя тенденция к интеграции наук находилась в диалектическом сопряжении с полярным ей вектором – специализацией, принятый в позитивизме курс на единство научного знания получил в междисциплинарной гуманитаристике практическое осуществление. Репутация лингвистики как самого точного после математики знания обеспечивала ей, как и при господстве в системе наук философии, лидирующие позиции в антропологических междисциплинарных исследованиях, проводившихся под позитивистской эгидой гносеологического оптимизма. Точность выводов и безошибочность результатов – идеал и норма естественно-научных исследований, благодаря лингвистике, придавали новым комплексным научным изысканиям объективный характер – предел гносеологических желаний позитивизма.

В свою очередь, принципы культурно-исторического и сравнительно-исторического изучения языка и художественно-литературных явлений, накрепко усвоенные в первой половине XIX столетия, повышали в филологической науке потребность в установлении более прочных связей с историей и новой наукой о законах развития обще-

ства – социологией, а это не только облегчало усвоение мировоззренческих и методологических постулатов позитивизма, но и позволяло поднять на более высокий уровень теоретические обобщения, связанные с обоснованием исторической детерминированности генезиса и развития человеческого мышления и обнаружением системных связей между духовными процессами и совершенствованием искусства слова.

Таким образом, в интегративной сфере историко-филологической науки, стремившейся к объединению с другими дисциплинами гуманитарного толка, быстрого размежевания старой и новой исследовательских парадигм быть не могло, хотя настойчивое наступление новой идеологии и методологии познания оказывало существенное влияние на культуру исследовательской деятельности специалистов, и Ф. И. Буслаева в том числе.

Историки, как и историки культуры, опираясь на опыт естественных наук, стали стремиться придать статус неоспоримой научности всем своим изысканиям о человеке и обществе, приблизить их к уровню точных экспериментальных дисциплин. Для этого требовалось, руководствуясь принципом законосообразности и идеей развития, обнаружить в общественных процессах, культурно-исторической динамике всего человечества внутренне обусловленные явления, схожие тенденции, причинно-следственные связи, единые – не зависевшие от исследовательских намерений, взглядов, ценностных ориентаций специалистов – законы функционирования, отыскать общие всем народам, невзирая на их национальное своеобразие, идентичные элементы цивилизационной эволюции.

Идея закономерности истории составляла основу всех трудов позитивистски мыслящих исследователей, хотя четкого определения исторических законов (или общих социологических законов, законов всемирного культурно-исторического развития) позитивистская историография обычно не давала. Понятие закономерности истории эксплицировалось через расчленение единого исторического процесса на внутренние и внешние силы, подчинявшиеся неизбежной необходимости, тесно взаимодействующим целеполагающим началам; через выявление разносторонних факторов (природно-демографических, социально-экономических, духовно-психологических и др.), определявших ход истории; через признание неуклонного общественного и культурного прогресса [14, с. 184–190; 16, с. 20–27].

Отказавшись от однобокого объяснения исторических явлений, руководствуясь верой в закономерный прогрессивный характер исторического процесса, последователи позитивизма первой генерации – 60–80-х гг. XIX в. – претендовали на откры-

тие всемирно-исторических законов развития человечества, и эту уверенность во всемогущество истории, как и естественно-научных дисциплин, обосновывавших научную истину, в них вселяла претензия на достигнутую гносеологическую непогрешимость создававшихся трудов. Объективность исторических исследований исчерпывалась и одновременно гарантировалась компетенцией ученых-профессионалов, тщательно осуществлявших аналитические процедуры, сохранявших осторожность и сдержанность в формулировке выводов, не выдававших неверифицированных предположений за новые теоретические построения, соблюдавших беспристрастность к факту и его истолкованию. «Для открытия общих начал», или закономерностей, в эволюции общества и его культуры «лучшим средством» признавался сравнительный метод, который давал «готовые обобщения» для последующих теоретических операций, направленных на осмысление исторического процесса [13, с. 21]. Сложность природы и ограниченность возможностей познания, о которых предупреждал И. Кант, подменялись культом факта, индуктивно-аналитическими исследовательскими приемами, превратившимися в синоним научного познания, исторической истины [18, с. 189], и отстраненность ученого от объекта познания (безусловно, мнимая) расценивалась самым эффективным средством, приводившим от эмпирии к теоретическому объяснению.

На деле историческая истина и объективность научных результатов по-прежнему являлись продуктами сознания историков, как и при романтическом интеллектуальном движении [14, с. 219, 222, 223]. Хотя мировоззренческие и ценностно-познавательные установки романтизма и позитивизма были различными, их сближали важные моменты: обращенность к потенциальным возможностям разума ученого, интерес к духовным составляющим цивилизационного развития национальностей, и этот синтез традиций и новаций, обуславливавший эклектический характер и плюралистическую методологию позитивизма, мог привлечь в ряды его сторонников таких универсальных специалистов, как Ф. И. Буслаев, которым была свойственна открытость новым учениям, увлеченность перспективными направлениями развития научной мысли.

Ф. И. Буслаев раньше, чем его коллеги из научного цеха гуманитариев, усвоил исследовательский потенциал позитивизма. Этому во многом способствовала специфика его интеллектуальной деятельности: подлинную научность историко-филологическим и литературоведческим трудам ученого придавала «строгая метода» немецкого языкознания, вошедшая в гносеологический арсе-

нал профессора Московского университета еще в 50-е гг. XIX в. Например, во введении к «Опыту исторической грамматики русского языка» (1858) он, причисляя себя к лингвистам, для которых язык являлся «благородным произведением духовной природы» народа, высказывал суждение о возможности постижения и «духовного бытия», и «истории умственного развития человечества» через изучение «дара слова, которым Творец премудро отличил человека от прочих животных» [4, с. XIV, XVIII].

Уверенность в достижении этой цели в него вселяло то, что грамматика, благодаря усилиям знаменитых немецких теоретиков языкознания, превратилась из основы ораторского искусства в «положительную науку о языке как о явлении природы, основанном на законах, предначертанных самим Творцом».

Не замечая диссонанса этой мысли, в которой телеологический принцип вступает в оппозицию строгим методам получения научно обоснованного знания, Ф. И. Буслаев начинает далее сравнивать успехи, появившиеся в естественно-научных дисциплинах, с достижениями в сфере языкознания. Тем самым он явно давал понять о своей осведомленности в новой мировоззренческой системе, захватившей любознательные умы Европы, и, синхронизируя с ней во времени и пространстве добытые в языковедении результаты, встраивал гуманитаристику в пространство «положительных» наук. «В соответствии с микроскопическими наблюдениями и химическим анализом в области естествознания, – уверенно заявлял он, – лингвистика принялась за разложение состава слов на мельчайшие элементы, известные под именем членораздельных звуков, приставок, окончаний, и на основании своих наблюдений стремилась открыть законы в образовании языка. Как успехи анатомии и физиологии не мало зависели от сравнения органов и отправления их у разных животных, так и лингвистика усвоила себе метод сравнительный, извлекающий законы из сличения или целых языков или же форм одного и того же языка, исторически развивавшихся одна из другой. В первом случае получила она название грамматики сравнительной, во втором – исторической» [4, с. XIV].

В этой фразе примечательным является то, что формирование предмета языкознания, выработку единственно верного метода сравнительно-исторического анализа лингвистических явлений, достижение объективных результатов, открытие основных законов развития языка Ф. И. Буслаев поставил в зависимость от достижений в биологии, физиологии, анатомии, химии, ознаменовавших подъем этих «точных» наук в середине XIX в. Признавая отставание гуманитарных наук от есте-

ственных, он предсказывал наступление эпистемологии естествознания на комплекс наук о человеке и социуме, что могло бы обновить их и подчинить единым законам развития природы и общества.

Ф. И. Буслаев и позже, в 60-е гг. XIX в., постоянно подчеркивал твердые научные основания своих работ по языкознанию, народной словесности, литературоведению, истории изобразительного искусства. Неисчерпаемые сведения о духовном мире арийских племен, европейцев и соотечественников в «доисторическую формацию» и эпоху ранних цивилизаций он старался тщательно отбирать, анализировать в соответствии с решением поставленных научных задач и логикой изложения; это позволяло ему ощущать свою власть над фактами.

Метод сравнительно-исторического анализа, эффективно выявлявший сходства и различия, тенденции и закономерности в историко-филологических процессах, ученый использовал во всех своих работах; это давало ему готовые материалы для теоретизирования, постепенно освобождаясь от априорных суждений. Многофакторный подход, учитывавший географическую обстановку, социально-экономический контекст, бытовые реалии, этнопсихологическую природу изучавшихся народов, их аксиологические ориентиры [см., к примеру: 2, с. 264; 3, с. 252, 253; 6, с. 309, 310], вселял надежду на открытие законов культурно-исторического развития родственных по языку, мировидению, хозяйственно-бытовым традициям племен. Вера в неуклонно осуществлявшийся общественный прогресс, понимавшийся Ф. И. Буслаевым как «общечеловеческое совершенствование» [1, с. 356], открывала возможности для поддержки эволюционной идеи и признания законосообразности факторов, детерминировавших творческие интенции народов [5, с. 303, 307; 7, с. 418, 420].

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 355–376.
2. Буслаев, Ф. И. Древнесеверная жизнь [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 257–268.
3. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклания с немецким, относящемся к эпохе языческой [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 250–256.
4. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка [Текст] : учебное пособие для преподавателей : в 2 ч. – Ч. 1. Этимология / Ф. И. Буслаев ; составлено на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, высочайше утвержденного 24 декабря 1848 года. – М. : В университетской типографии, 1858. – 244 с.
5. Буслаев, Ф. И. Сказание Новой Эдды о сооружении стен Мидгарда и сербская песня о построении Скадра [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 301–307.
6. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 308–354.
7. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 401–454.
8. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – М., 1873. – № 4. – Апрель. – Т. 104. – С. 568–649.
9. Егоров, Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов [Текст] / Б. Ф. Егоров. – Л. : Искусство, 1991. – 336 с.
10. Зелинский, Ф. Ф. Вильгельм Вундт и психология языка [Текст] / Ф. Ф. Зелинский // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей: научно-популярные статьи. – 3-е изд. – Т. 2. Древний мир и мы. – СПб., 1911. – С. 151–221.
11. Зелинский, Ф. Ф. Древний мир и мы [Текст] / Ф. Ф. Зелинский // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей: научно-популярные статьи. – 3-е изд. – Т. 2. Древний мир и мы. – СПб., 1911. – С. 1–147.
12. Зелинский Ф. Ф. Художественная проза и ее судьба // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей: научно-популярные статьи. – 3-е изд. – Т. 2. Древний мир и мы. – СПб., 1911. – С. 222–284.
13. Кареев Н. И. Разработка теоретических вопросов исторической науки [Текст] / Н. И. Кареев // Историческое обозрение : сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – Т. 1. – С. 3–34.
14. Копосов, Н. Е. Как думают историки [Текст] / Н. Е. Копосов. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.
15. Корзун, В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций) [Текст] / В. П. Корзун. – Омск ; Екатеринбург : Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 226 с.

16. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) [Текст] / А. Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 349 с.

17. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации [Текст] / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

18. Уткина, Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века) [Текст] / Н. Ф. Уткина. – М. : Наука, 1975. – 319 с.

19. Шаханов, А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты [Текст] / А. Н. Шаханов. – М. : Наука, 2003. – 419 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Buslaev, F. I. Drevnejšie jepicheskie predanija slavjanskih plemen [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 355–376.

2. Buslaev, F. I. Drevnesevernaja zhizn' [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 257–268.

3. Buslaev, F. I. O srodstve odnogo russkogo zakljatija s nemeckim, odnosjashemsja k jepohe jazycheskoj [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 250–256.

4. Buslaev, F. I. Opyt istoricheskoj grammatiki russkogo jazyka [Tekst] : uchebnoe posobie dlja prepodavatelej : v 2 ch. – Ch. 1. Jetimologija / F. I. Buslaev ; sostavleno na osnovanii nastavlenija dlja obrazovanija vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij, vysochajshe utverzhdennogo 24 dekabrja 1848 goda. – M. : V universitetskoj tipografii, 1858. – 244 s.

5. Buslaev, F. I. Skazanie Novoj Jeddy o sooruzhenii sten Midgarda i serbskaja pesnja o postroenii Skadra [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 301–307.

6. Buslaev, F. I. Slavjanskije skazki [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 308–354.

7. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 401–454.

8. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poeziji [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik, 274

izdavaemyj M. Katkovym. – M., 1873. – № 4. – Aprel'. – T. 104. – S. 568–649.

9. Egorov, B. F. Bor'ba jesteticheskij idej v Rossii 1860-h godov [Tekst] / B. F. Egorov. – L. : Iskusstvo, 1991. – 336 s.

10. Zelinskij, F. F. Vil'gel'm Vundt i psihologija jazyka [Tekst] / F. F. Zelinskij // Zelinskij F. F. Iz zhizni idej: nauchno-populjarnye stat'i. – 3-e izd. – T. 2. Drevnij mir i my. – SPb., 1911. – S. 151–221.

11. Zelinskij, F. F. Drevnij mir i my [Tekst] / F. F. Zelinskij // Zelinskij F. F. Iz zhizni idej: nauchno-populjarnye stat'i. – 3-e izd. – T. 2. Drevnij mir i my. – SPb., 1911. – S. 1–147.

12. Zelinskij F. F. Hudozhestvennaja proza i ee sud'ba // Zelinskij F. F. Iz zhizni idej: nauchno-populjarnye stat'i. – 3-e izd. – T. 2. Drevnij mir i my. – SPb., 1911. – S. 222–284.

13. Kareev N. I. Razrabotka teoreticheskijh voprosov istoricheskoj nauki [Tekst] / N. I. Kareev // Istoricheskoe obozrenie : sbornik Istoricheskogo obshhestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete za 1890 god. – SPb. : Tip. M. M. Stasjulevicha, 1890. – T. 1. – S. 3–34.

14. Kuposov, N. E. Kak dumajut istoriki [Tekst] / N. E. Kuposov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 326 s.

15. Korzun, V. P. Obrazy istoricheskoj nauki na rubezhe XIX–XX vv. (analiz otechestvennyh istoriograficheskijh koncepcij) [Tekst] / V. P. Korzun. – Omsk ; Ekaterinburg : Omsk. gos. un-t; Izd-vo Ural'sk. un-ta, 2000. – 226 s.

16. Nechuhrin, A. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.) [Tekst] / A. N. Nechuhrin. – Grodno : GrGU, 2003. – 349 s.

17. Stepin, V. S. Nauchnoe poznanie i cennosti tehnogennoj civilizacii [Tekst] / V. S. Stepin // Voprosy filosofii. – 1989. – № 10. – S. 3–18.

18. Utkina, N. F. Pozitivizm, antropologicheskij materializm i nauka v Rossii (vtoraja polovina XIX veka) [Tekst] / N. F. Utkina. – M. : Nauka, 1975. – 319 s.

19. Shahanov, A. N. Russkaja istoricheskaja nauka vtoroj poloviny XIX – nachala HH veka: Moskovskij i Peterburgskij universitety [Tekst] / A. N. Shahanov. – M. : Nauka, 2003. – 419 s.

Reference List

1. Buslaev F. I. The most ancient epic legends of Slavic tribes // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb. : In Publishing House of Company «Obshchestvennaja Polza», 1861. – P. 355–376.

2. Buslaev F. I. Ancient Northern life // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb. : In Publishing House of Company «Obshchestvennaja Polza», 1861. – P. 257–268.

3. Buslaev F. I. About affinity of one Russian pater-noster with German relating to the pagan era // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb. : In Publishing House of Company «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 250–256.

4. Buslaev F. I. Experience of Russian historical grammar: manual for teachers: in 2 p – P.1 Etymology / F. I. Buslaev; it is made on the basis of manual for education of military school pupils which is most highly approved on December 24, 1848. – M. : V universitetskoy tipografii, 1858. – 244 p.

5. Buslaev F. I. Legend of the New Edda on a construction of walls of Midgard and Serbian song about construction Skadra // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb. : In Publishing House of Company «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 301–307.

6. Buslaev F. I. Slavic fairy tales // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb. : In Publishing House of Company «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 308–354.

7. Buslaev F. I. Russian national epos // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb. : In Publishing House of Company «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 401–454.

8. Buslaev F. I. Comparative studying of national life and poetry // the Russian bulletin issued by M. Katkov. – M., 1873. – № 4. – April. – V. 104. – P. 568–649.

9. Egorov B. F. Fight of the aesthetic ideas in Russia of the 1860-s. – L. : Iskusstvo, 1991. – 336 p.

10. Zelinsky F. F. Wilhelm Wundt and psychology of language // Zelinsky F. F. From life of the ideas: popular scientific articles. – 3rd edition. – V. 2. Ancient world and we. – SPb., 1911. – P. 151–221.

11. Zelinsky F. F. Ancient world and we // Zelinsky F. F. From life of the ideas: popular scientific articles. – 3rd edition. – V. 2. Ancient world and we. – SPb., 1911. – P. 1–147.

12. Zelinsky F. F. Art prose and its fate // Zelinsky F. F. From life of the ideas: popular scientific articles. – 3rd edition. – V. 2. Ancient world and we. – SPb., 1911. – P. 222–284.

13. Kareev N. I. Development of theoretical questions of historical science // Historical review: the collection of Historical society at Imperial St. Petersburg University for 1890. – SPb. : M. M. Stasyulevich's Publishing House, 1890. – V. 1. – P. 3–34.

14. Kopusov N. E. As historians think. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 326 p.

15. Korzun V. P. Images of historical science at a boundary of the 19–20th centuries (the analysis of national historiographic concepts). – Omsk ; Ekaterinburg : Omsk state university; Uralsk University Publishing House, 2000. – 226 p.

16. Nechukhrin A. N. Theoretic-methodological bases of the Russian positivistic historiography (the 80-s of the 19th century – 1917). – Grodno : GrSU, 2003. – 349 p.

17. Stepin V. S. Scientific knowledge and values of technogenic civilization // Philosophy Questions. – 1989. – № 10. – P. 3–18.

18. Utkina N. F. Pozitivizm, anthropological materialism and science in Russia (the second half of the 19th century). – M. : Nauka, 1975. – 319 p.

19. Shakhanov A. N. The Russian historical science of the second half of XIX – the beginning of the XX century: Moscow and St. Petersburg universities. – M. : Nauka, 2003. – 419 p.